*

...Риторика. Голенькая мысль. «Разбавить» её образами? – бесполезно: мысль нерастворима! Она изначально предрасположена управлять. И, если в стихотворении мысль первична, – риторику не прикроешь никаким декором, в лучшем случае это даст порнографический эффект: полуголенькая мысль.

*

Поэзия появляется из состояния, из чувства бытия, как очертания деревьев – в тумане. Помню, в Тельбессе мы с подругой вышли утром прогуляться в лес. Над посёлком слоился туман, солнце ещё не выглянуло из-за сопки, и прогулка через десяток шагов стала погружением в белую прохладную бесформенность, собравшую в себя все звуки мира. По пути видно было только дорогу и обочину – от силы на полтора метра в радиусе. Туман тяжело, нехотя двигался, клубился. Где-то с сопки неожиданно раздался волчий вой, за ним – несколько голосов потоньше, сплетаясь в нестройный квартет. Я сразу представила себе волчицу с волчатами, исполняющих песнь восходящему солнцу. Мы остановились, переглянулись. Слева, совсем близко, что-то резко всхрапнуло, стукнуло. Я присела и заглянула под слой тумана, уже оторвавшийся от земли. Конские ноги. И тут появляется конская голова с огромными удивлёнными глазами и вытянутыми губами.

Я боюсь тебя! – истошным шёпотом реагирую на это явление. Первые слова в нашей прогулке.

Всё, что сейчас вспомнилось, по сути есть поэзия, потому что состояние и чувства наличествуют, потому что появляется образ, причём – в прямом смысле. Но это пра-поэзия, само бытие, ещё немотствующее и не зависящее от наших мнений и чувств. Из него-то и появляются стихи.

Ты помнишь грибной пригорок:
кедрач, осины?..
Где давеча луг косили,
там воздух горек,
там речка бежит, как белка,
считает камни.
В неё даже свет не канет,
так льётся мелко.
Волчата на кряже воют,

и эхо вторит,
сбегая в ложок, который
с водой святою...
Там утро туманы стелет
коням на холки,
а вечер блукает в ёлках
бездомной тенью...
Там ночью большие звёзды
висят шарами,
и думы гуляют сами,
с душою розно...
(1983г., мне – 25 лет)

*

В процессе словотворчества может обозначиться какая-то мысль, и даже не одна, и даже сформироваться в конце стихотворения (только не «мораль сей басни такова»!), но это уже удача: перо жар-птицы упало на строку!

К сожалению, я пишу стихи «мозгами». Не одна я, правда. Но для такого стихосложения нужны недюжинные «мозги» и по глубине, и по обширности. А у меня – увы! Самый яркий пример прекрасной «мозговой» поэзии – Макс Волошин: мысль блистательна, смыслы прозрачны, метафоры точны. Но ведь Макс был ещё и художником, очень талантливым в передаче света и тени. Для меня – недосягаемый уровень. Учиться у Макса писать стихи невозможно, его можно только любить и понимать.

«С Россией кончено... на последях
Её мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огнь, язвы и бичи,
Германцев с запада, Монгол с востока.
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!»
(«Мир», 1917 г.)

А вот самый убедительный пример порочности «мозговой» поэзии – Владимир Маяковский. Поставить и сердце своё, и талант на суконную службу идеологии?..

«...Товарищ,
чего вы дрожите?
В чём,
собственно,
дело?!
В аквариум,
что ли,
сажать вас?
Революция требует,
чтобы имелась
смелость,
смелость
и ещё раз –
с-м-е-л-о с-т-ь»
(«Трус», 1928 г.)

Интересен мне был «мозговик» Алексей Цветков, когда несколько лет назад в руки попало его избранное «записки аэронавта». Даже нетрадиционная запись текстов не смутила, потому что стилистически поэт безупречен, и стихи написаны не холодным сердцем.

«за деревом за кочкой
в пейзаже нечужом
то беглый зэк с заточкой
то зоркий вохр с ружьём

а до потопа было
гораздо лучше тут
то поп возьмёт кадило
то экзекутор кнут

пока народ не вымер
пока не спился в дым
он вправе делать выбор
меж первым и вторым

зовёт завод турбиной
во рву Россия спит
ей снится бунт с дубиной
и соловецкий скит

никто не скажет детям
когда идут играть

что между тем и этим
не надо выбирать».

Большинство же авторов этого типа наводят на мысль о банальности или о нарочитом выпендривании. Концепции, сентенции, философизмы, – скучно, если это просто игра ума, густо приправленная наукообразными терминами.

Ментальность – не порок, но не все виды искусства принимают её с распростертыми объятиями. Зарифмованное богословие или записанные белым стихом материалы партсъезда – что может быть пошлее?..

*

Перечитываю свои последние стихи. Не нравятся! Да, это стихи… но не поэзия. Да, они сделаны, кое-где можно ещё подчистить, подточить… Но тогда это просто этажерки! Когда стихи рождаются, их особо не «подточишь», – разве можно у новорождённого младенца «подточить» носик, ручки, спинку?! Даже не смешно, зато понятно, почему авторы так болезненно реагируют на произвольные, со стороны, правки своих произведений. Хотя… в роддомах ведь оказывают экстренную помощь новорождённым, если роды были с осложнениями… хм. Надо подумать: профессионализм принимающих и здоровье рождающих. Аналогия…

*

Для рождения стихотворения нужна огромная внутренняя энергия сердца, души. Она присуща молодости! Для формирования поэтического «я» нужна ещё и огромная внутренняя культура языка, в котором эта энергия будет превращаться в поэтический текст. Сочетание энергии сердца, культуры и, несомненно, таланта – условие существования поэзии: убери одно из этих составляющих, и поэзии нет!

Блюмкин писал стихи… но у него «лучше» получалось расстреливать людей. Ницше писал стихи… но именно этого дара ему и не хватало, музицировал он талантливее.

Игорь Губерман очень изящно рифмует сентенции холодного ума, но они и затрагивают у читателя только ум, взволновать душу не способны.

А поэзия ищет встречи с душой человека, и один на один, чтобы сердце взволновалось и проснулись в нём любовь, сострадание, благодарность, негодование… Все остальные цели (воспитание, эстетическое удовольствие, пропаганда) чужеродны ей. Для остальных целей есть другие способы достижения…

август 2016

*

В. Угрюмову

По касательной, по касательной –
речи тихой твоей полёт...
Я же выучена в спасатели:
время – в лоб, и пространство – влёт!

Но люблю твои строки вязкие,
рифм скользящих тёплую взвесь.
Твой причудливый мир – как в сказке – я
исходила, босая, весь.

Не смущают ни шутка шёпотом,
ни оброненный вдруг вопрос
в облака над тобой: «А что потом?» –
потому что жизнь на износ.

Потому что, как ни привязывай
к облакам неслучайный взгляд, –
этот вечный мир одноразовый
оборвётся, и наугад...

Дальше будет прямая линия,
обобщающая пути.
Нам, ведомым на «песнь козлиную»,
нерифмованно не уйти.

(С ВОСТОКА ПОДУЛО)

Под крики обезьян в бамбуковом логу
я о тебе опять, любимый, ни гу-гу...
Ведь наш с тобою миг прижизненный –
изъян
под крики обезьян...

ЗАПОЗДАЛАЯ ГРОЗА

Громыхнуло, прорвало, и волей
Свыше в миг развеяло тепло,
Будто мозг взломали, грудь вспороли, –
Вспять сквозь сердце время потекло...

И трава щетиною попёрла, –
Мол, не рановато ли в утиль? –
И грачонок прочищает горло,
На отлёт оттачивая стиль.

А душа совсем не хочет плакать,
Ей бы только сердцем жить и жить.
Ты о чём так буйствуешь, скажи,
Синяя взволнованная слякоть?

Ну а ты – о чём, душа? Жива!
И кому: «Возьми меня!..» – не Богу ль?
Так же вот, свихнувшись однова,
Навсегда ушёл в бессмертье Гоголь.

ПИСЬМО

Ты знаешь? – пишутся стихи...
Так странно: рифмы, лады, звуки
нечаянно, как птицы, в руки
летят, садятся и – тихи –
как птицы, склёвывают смыслы
моих безумий... Миг, и – прочь –
на Беловодье, где нависло
над тайной, скатываясь в ночь,
светило... Ты ведь знаешь эту
над болью огненную власть!
Она всегда грозит поэту
с Земли любимой в Небо пасть.

СТРАХ

Опять вороны во дворе галдели.
Что всполошило их покой в ночи?
Что стало темой свары? Неужели
Убогий огонёк моей свечи,
Моей души животный ужас мрака,
Моей судьбы зияющий разлом?..
И я перечеркнула жизнь, заплакав
От памяти за кухонным столом.

Но вот проник, неузнаваем, чуем,
Рассветный луч и погасил свечу,
И приоткрыл страницу дня: хочу ли?
И я ему ответила: хочу!
И страх, не совместимый с жизнью, канул
На дно души, на илистое дно,
Как брошенный в ночное небо камень,
Которому летать не суждено.

НЕ О СМЕРТИ

Разве это нежность? Это нежить
в косы полнолуние вплела –
память счастья снова обезбрежить
и закинуть сетью в море зла,
вызволить взволнованной пучины
пленника с жемчужиной в руке
и вернуть на берег беспричинный
от путей расхожих вдалеке.

Не поймать мне рыбку золотую, –
троекратно всё уже сбылось:
дом души торжественно пустует,
вечностью пронизанный насквозь
от палитры свежей на мольберте
до лоскутного половичка...
И напоминает не о смерти
нежная с жемчужиной рука.

ТРАМВАЮ

Сквозь завьюженную улицу,
грохоча и дребезжа,
он подслеповато щурится
в бессловесного бомжа.

Еле теплится окошками,
а внутри толпится блажь.
Я войду в тебя, хороший мой,
если душу мне отдашь.

Отдаёшь и, взвизгнув дверцей,
замыкаешь за спиной
всё, чем так замёрзло сердце,
что так больно было мной...

Знаю я маршрут твой вечный –
по кольцу трусишь, гремя.
Я в тебе сейчас – как свечка,
как молчанье меж двумя...

...оборвётся всё с рассветом.
Только ты не забывай,
как нелепо быть поэтом,
и при этом быть – «трамвай»...